

Перевод с французского *И. А. Гобозова.*
ИЗ ПРОШЛОГО МАРКСИЗМА

КАРЛ КАУТСКИЙ¹
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Соцэкгиз, М. - Л., 1931.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Первая глава. ОСЕДЛЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Если мы связываем происхождение государства и возникновение классов с фактом завоевания, то отнюдь мы не хотим зггим сказать, что классы всюду и при всех условиях образовались именно таким образом и что всякое другое возникновение государств было невозможно.

Я, например, слишком недостаточно знаком с условиями Полинезии, чтобы высказаться по поводу причин возникновения классовых различий, констатированных на многих островах Южного моря. С другой стороны, несомненно также и то, что в целом ряде случаев классы являются не непосредственным результатом завоевания, а продуктом экономического развития.

Однако в тех областях, с которых начинается писаная история, история государства и классовой борьбы, всюду возникновение первых классов и государств связано с завоеванием, поскольку такое их происхождение вообще поддается изучению либо оставило следы, на основании которых можно заключить о нем. Впрочем, тот же путь их развития Кунов доказывает и по отношению к государству инков и к государству ацтеков в Америке. По отношению к государству инков в Перу он доказал это основательным образом².

Древнейшие государства, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем, находятся все в областях определенных больших рек Северной Африки и Азии. Эти реки перерезывают зону огромных сухих пространств или граничат с этими пространствами, которые простираются от примыкающего к Сахаре берега Атлантического океана и почти до Тихого океана (Китай). Эту зону прорезают Нил, Тигр и Евфрат и Инд. Реки эти получают свои воды с высоких гор и прорезают затем лишенные осадков низменности, в которых

¹ См. его книгу: *Marxische Geschichte u.s.w. Theorie*, I, 238 и его работы *Die sociale Verfassung des Inkareiche*. Stuttgart, 1896.

роскошная растительность возможна лишь там, куда достигают источники воды. Наоборот, Ганг, Янтие-кианг и Хоанго орошают области, которые совсем не бедны осадками³. Вплотную к областям этих рек примыкают степи, переходящие местами в песчаные пустыни.

Эти резкие противоречия в жизненных условиях повлекли за собой также и огромные различия в условиях жизни и способах производства населения этих различных областей.

По берегам нижнего Нила, Тигра и Евфрата, верхнего течения Инда, а также в районах рек Ганга, нижнего Янтцекианга и Хоанго были крайне благоприятные условия для земледелия. Плодородные земли (в большинстве затопляемые) и высокая температуру воздуха обеспечивали богатые жатвы всюду там, где было достаточное орошение. Сбор растительной пищи был так велик, что его одного, при сколько-нибудь умелой и усердной обработке земли, было уже скоро достаточно, чтобы прокормить население долин или целиком, не прибегая к охоте и скотоводству, или же вместе со скотоводством, поскольку сборы с полей давали, кроме того, еще возможность кормить домашних животных.

При таких условиях земледельцы очень часто превращаются в решительных вегетарианцев, которые, в противоположность охотничьим и пастушеским племенам, не только не нуждаются в потреблении мяса, но даже запрещают таковое.

У охотников-номадов мы встречаем уже в доисторический период культуру растений, которой заняты женщины, и приручение многих животных. В упомянутых же больших низменностях указанной зоны земли люди раньше, чем где-либо, попадают в условия, позволяющие осуществить переход общества за стадию охоты и кочевого скотоводства. Правда, они могли бы найти такие условия и в других местах, например, в некоторых отдельных оазисах, но эти районы были недостаточно велики, чтобы получить большое историческое значение.

По мере того как растительная пища для жителей этих низменностей приобретала первенствующее значение, а охота со стороны мужчин в целях добычи животной пищи делалась все менее и менее необходимой, тем скорее стало возможным для земледельца

³ Калькупа имап в среднем 167 см осадков в (иду; Берлин - лишь 59, л Суэц — даже юлько 3 см.

постоянно оставаться на одном и том же участке земли, стать оседлым. Он мог уже избавить себя от муки вечных переселений.

Возможность оседлой жизни превратилась скоро в необходимость. Лом, который строил себе оседлый земледелец, мог быть уже солидной той кибитки, которую он должен был тащить за собой; точно так же он мог уже теперь скоплять больше домашней утвари и готовить ее более солидным образом, тогда как кочевник вынужден всегда очень сильно ограничивать себя в этом отношении, чтобы не создавать себе затруднений для передвижений, что задерживало развитие его индустриальных способностей, которыми ему в таких условиях мало приходилось пользоваться.

Все это изменилось в условиях оседлости. Число продуктов домашней промышленности, которые производил, использовал и собирал крестьянин, увеличивалось, а вместе с тем росло и его промысловое искусство. При этом, разумеется, его промышленность оставалась в основном домашней промышленностью для собственного потребления. Чем больше был дом и лучше обставлен, тем тяжелее было его лишаться. А к жилью прибавился и еще один фактор, который привязывал крестьянина к земле.

В условиях жизни кочевников трудно было собирать запасы. Люди перебивались со дня на день. Многие буржуазные экономисты упрекают первобытные народы в неспособности к «капиталонакоплению» и рассматривают закабаление этих народов капиталистическими нациями как справедливое возмездие за этот грех, совершаемый против святой святых капитализма. Но средства существования, добываемые дикарями, например мясо, овощи, ягоды, не допускают по большей части их хранения, пока не продвинулась вперед техника их консервации. Сохранение средств питания в горшках — довольно трудное дело. Правда, некоторые жизненные припасы, например зерно, можно хранить, не опасаясь их порчи. Но кто был в состоянии тащить с собою большие массы зерна? Женщина дикарей-кочевников и без того была вьючным животным; ее нельзя было упрекнуть ни в лени, ни в беззаботности насчет завтрашнего дня.

Совсем другое положение создается в том случае, когда племя в состоянии навсегда остаться на одной и той же территории. Отпадает вопрос о транспортных средствах. Оседлому земледельцу нетрудно молотить зерно и сохранять его от вредителей, вроде грызунов, или же

от дождей, которые, впрочем, в степной и пустынной полосе не особенно часты.

Но в районе этой зоны появилась еще одна особая причина, которая заставляла крестьянина сражаться с землей. Культура растений возможна лишь там, где оседает плодородный ил реки. Земледельцы прежде всего расселяются плотно у самого берега реки и располагают там если не свое жилище, но, во всяком случае, свою культивируемую площадь. Но это было опасно не только для жилищ, но также и для пашни. Каждое наводнение могло их затопить. А с другой стороны, площадь вдоль реки все более сокращалась по мере роста населения. Размножалось же оно быстро, потому что новые условия жизни, связанные с правильным питанием и приносившие освобождение от бесконечных мук кочевого состояния, весьма облегчали воспитание детей.

Под влиянием всего этого земледельцы уже очень рано нашли более выгодным, чтоб река шла к ним, а не они к реке. Чем больше они знакомились с рекой и изменчивым уровнем ее воды, тем легче они могли прийти к мысли о создании сооружений, позволяющих дальше пропускать воду реки или же накоплять полую воду в водоемах; отсюда сооружение плотин, резервуаров, каналов, колодцев. В большей же части Китая канализация служила скорее для осушения, чем для орошения. Затопляемая Янтцекангом и Хоанго область представляла из себя раньше болото. Но и китайцы, по-видимому, научились строить свои водопроводные сооружения в засушливой зоне, где они служили целям орошения. Как ни малы были, естественно, все эти сооружения в самом начале, они тем не менее постоянно требовали много труда и превратились в важнейшие источники существования страны, запустить которые или покинуть их казалось чем-то совершенно невозможным.

Все это ведет к тому, что земледелец, в противоположность своему кочевому прошлому, крепко привязывается к своему клочку земли и готов скорее перенести самые худшие беды, чем покинуть его. Но это не единственное превращение, которое с ним происходит. Собственно, для женщины изменения менее значительны, чем для мужчины. Женский труд по-прежнему остается трудом в домашнем хозяйстве. Женщина, правда, освобождается от мучений кочевого состояния, зато работа ее в домашней промышленности увеличивается. Наоборот, род занятий мужчины претерпевает полное изменение.

Охотой ему теперь приходится заниматься весьма немного или же не приходится заниматься вовсе, что, однако, отнюдь не означает увеличения его досуга.

Когда начинается разведение скота, то на долю мужчины выпадает укрощение животных, уход за крупным, в первую очередь за рогатым скотом. Женщина была неспособна к подобной работе, ей выпадало лишь в некоторых местах доение коров, да и то не всегда. Например, у кафров мужчины считают необходимым самим доить коров.

Когда место заступа и лопаты занял плуг, запряженный быками, обработка земли, которой раньше занимались женщины, стала работой мужчины. Количество же других земледельческих работ возросло настолько, что и они не могли выполняться одним женским трудом. Для выполнения этих работ потребовалась мужская помощь. Преимущественно это относится к работам по вспашке, но также и к уборке урожая.

Для создания оросительных сооружений точно так же был необходим труд мужчин. Наконец и домовые сооружения семьи строятся теперь относительно гораздо более солидно, они создаются из материалов, добыча, обработка и употребление в дело которых требует более сильных мускулов мужчины. Так вольный охотник, бродивший «по лесам и лугам», превратился в трудолюбивого работника, мучающегося на тяжелой работе в поте своего лица.

Употребление оружия, умение им владеть, а также и приготовление его теряют уже для крестьянина значение по сравнению с охотником. Необходимость прибегать к оружию, играющая важную роль для охотника, для оседлого земледельца лишь нежелательная помеха в его других, жизненно важных работах. В результате он прибегает к оружию не для нападения на зверей и людей, а лишь в целях защиты, а для этой последней цели он предпочитает употреблять другие средства, если они обеспечивают тот же результат.

Пролитие крови, доставляющее удовольствие охотнику, является актом неприятным и отпугивающим для земледельца. Индусы идут в этом направлении настолько далеко, что питают отвращение к убийству не только нужных, но даже и вредных животных. Оседлое население речных низменностей, о которых здесь идет речь, не имеет поводов для наступательных войн. Привязанные к своим участкам, дающим им необходимое пропитание, они тем не менее имеют желание захватывать новые земли, что за пределами речных долин они

не могут найти ничего, кроме отпугивающих их пустынь и диких пространств. Лучшим способом для них найти новые земли для растущего населения является мирное расширение их оросительных сооружений. Плохо вооруженные, поскольку у них не имеют времени уделять внимание своему оружию, плохо владеющие оружием, издавна и по нынешнее время они представляют из себя в высокой степени мирные существа.

Ратцель говорит о подавляющем «большинстве теперешних египтян, феллахов, пахарей (от арабского «феллах» — плуг), деревенских жителей и крестьян»: «Они живут и работают с небольшими изменениями, как жили и работали подданные Менеса или Микерина... Феллах на протяжении пяти тысяч лет в основном остался тем же самым» («Volkerkunde», III, S. ДЗ - Д5).

Они постоянно оставались все тем же миролюбивым и покорным народом. С самой древности земледельцы Пенджаба и долины Ганга были все так же невоинственны и тихи, каковыми остаются и теперь крестьяне Индии, несмотря на все революционные потрясения в городах. Известна также невоинственная психология и китайского крестьянина.

Еще меньше становится сила крестьян в военном отношении (до появления государственной власти) вследствие изолированности отдельных деревень друг от друга. Правда, земледелие способно прокормить на одной и той же площади гораздо больше населения, чем это было возможно до него, но в то же время оно привязывает крестьянина к его участку и затрудняет ему более тесное общение с другими людьми, кроме его соседей («Nah—Bauern»). Каждая деревня становится миром для себя. На русском языке, как известно, и деревня и весь мир обозначаются одним словом «мир».

Эта изолированность деревень друг от друга затрудняет их совместное выступление с целью обороны против сильных противников, обороны, на которую отдельные деревни не способны.

В результате земледелие в районе вышеназванных речных низменностей способствует подъему благосостояния крестьян, но тем самым оно одновременно побуждает более бедных соседей к нападениям с целью грабежа. Оно уменьшает в то же время их оборонительные силы и лишает их возможности спастись от гибели бегством. Эта гибель делается неизбежной, когда появляются «злые соседи», с которыми по известному выражению даже и «ангел» не может жить в мире. И такие

соседи появились: их дали пустыни, лежащие рядом с речными низменностями.

Вторая глава. ПАСГУХИ-НОМАДЫ

Когда человек на стадии высшей фазы охотничьего периода оттесняется в пустыню или когда климат его местности делается все более сухим и она все более принимает характер пустыни, то судьба жителей данной территории должна сложиться совсем иначе по сравнению с людьми, которые, находясь на той же ступени развития, очутились в долинах рек или в больших оазисах с роскошной растительностью.

Но, говоря здесь о действии пустыни, мы не имеем в виду песчаную пустыню в полном смысле. В последней пребывание живых существ на протяжении длительного срока невозможно, и поэтому в ней не может создаваться особых условий для производства. Песчаная пустыня не есть правило для общего типа пустынных областей. Между степью и песчаной пустыней по части растительности существуют самые различные переходные ступени в зависимости от условий почвы, количества осадков, характера ветров и т. д.

Когда охотничье племя попадает в условия пустыни, то оно не может здесь кормиться так же, как и раньше. Области с более бедной растительностью попеременно с большими пространствами бесплодных земель и очень бедных пастбищ в состоянии прокормить лишь небольшое количество дичи, рассеянной на большом пространстве. Охота здесь делается необыкновенно трудной, а добыча невелика и весьма нерегулярна.

Дляномада пустыни охота так же теряет свое значение, как и для земледельца речных долин, хотя, конечно, совсем по другим причинам. Уменьшение пищи от дичи не может быть здесь возмещено увеличением культуры растений. Правда, и номады, в пределах возможного, занимаются их разведением, но в лучшем случае результаты этого слишком невелики и не могут сделать оседлым кочевника, не могут позволить ему или принудить его на продолжительное время остаться на одном и том же месте. Номад вынужден все время идти дальше в поисках новых источников пропитания.

Но чем менее охота и культура растений в состоянии покрыть его потребности в пище, тем большую роль начинает приобретать третий фактор, который у охотника является лишь простым времяпрепровождением, а у земледельца является лишь побочным источником существования наряду с обработкой земли: дело идет о приручении и разведении полезных животных.

В противоположность убегающей дичи человек имеет этих животных всегда под рукой, они не только доставляют ему, как и дичь, мясо, кожу, рога и другие полезные части всякого убитого животного, но могут также, поскольку речь идет о молочных животных, сделаться длительным и постоянно возобновляемым источником питания. Этот источник питания имеет преимущество над дичью в том отношении, что постоянно находится на досягаемом расстоянии, от земледельческих же источников питания отличается своей подвижностью, способностью перемещаться туда, где его лучше разводить и где в нем нуждаются, — качество, которое является бесценным для степи.

Лишь немногие из прирученных и полезных животных способны сопровождать человека в пустыне. Они должны быть для этого способны проходить большие пространства, переносить засуху и довольствоваться скудной пищей. Свиньи не годятся для бедной пустыни. Мы видим их в очень ранние времена в качестве домашних животных, например на свайных постройках Швейцарии, однако номады пустыни презирают это животное и тех, кто его разводит, и не едят его мясо. Поскольку религиозные евреи еще и до сих пор держатся этой привычки, то они доказывают лишь этим свое бедуинское происхождение, а также и прочность некоторых традиций. Лучше приспособлены к пустыне в сравнении со свиньями овцы, многие породы рогатого скота, а также ослы, лошади и верблюды. Все эти животные представляют огромную ценность для номадов прежде всего тем, что дают молоко, причем наибольшее предпочтение отдается лошадям и верблюдам.

«В Норддарфуре рабы не занимаются почти ничем другим, кроме того что пасут сотни тысяч верблюдов. Даже рогатый скот и стада овец представляют для них роскошь, так как молоко верблюдов полностью удовлетворяет их потребность в пище» (Kalrel, Ублкеткипсе, III, 5. 136).

О туркменах в той же работе говорится: «Коровье молоко отнюдь не предпочитается молоку верблюдов и кобылиц». (Там же, III, 5. 353).

Ратцель считает, что лошадь и верблюд были приручены и разводились вначале для добычи молока; применение их в качестве быстрого средства передвижения стало практиковаться уже позже, когда с ними ближе познакомились.

К этим друзьям из семейства копытных присоединялись еще два других из рода хищников, основным качеством которых является быстрота и которые очень ценятся у многих номадов в качестве помощников на охоте: борзая собака и охотничий сокол.

Все эти животные, в особенности же копытные, абсолютно необходимы для номада. Он дорожит ими больше всего и зависит от них больше, чем от кого бы то ни было.

«Главным объектом всех тревог и забот для номада является скот, от которого зависит его существование и благосостояние. Поэтому при обратном возвращении домой номад прежде всего спрашивает о здоровье скота и лишь затем о состоянии владельца и его семьи» (Ratzel, Volkerkunde, III, 3. 351).

С теми из его животных, которые не являются поставщиками мяса и которые не идут на убой, номада связывает часто самая нежная любовь. Эти животные принадлежат его семье и часто для него дороже, чем прочие члены семьи. Особенно это нужно сказать о лошади араба.

Охрана этих друзей и этих богатств является самой важной задачей номада. Многочисленные голодные хищники постоянно угрожают им. Оседлый земледelec может выстроить изгородь, в которую он загоняет на ночь своих немногочисленных домашних животных, и там они находятся в безопасности от хищников. Номад же не располагает ни материалами для постройки твердой изгороди, ни временем для этого. Он должен был бы покинуть эти постройки еще до того, как они будут готовы. Главное же в том, что его стада слишком многочисленны, и постройки для них требовались бы колоссальных размеров.

Ему остается лишь одно: самому стеречь стада и быть готовым встретить лицом к лицу каждого хищника, чтоб его прогнать или убить.

Если занятие охотой требует постоянного употребления оружия и содержания его в исправном состоянии, то это столь же необходимо также и в целях защиты стада. Номад-пастух не отвыкает, подобно земледельцу, от употребления оружия. Это оружие, однако, нужно ему

еще в большей степени, чем охотнику, но не для добычи пищи, а для ее охраны.

Он имеет дело не с одними четвероногими грабителями; к последним присоединяются также и двуногие, которые становятся опаснее всего именно тогда, когда они делают передвижения на четырех ногах; когда они постигают искусство ездить верхом на быстрых лошадях или верблюдах.

В охотничий период было мало набегов с целью грабежа. Охотничьи племена были слишком бедны, чтобы возбуждать какую-либо жадность у других охотников. При взаимных конфликтах между охотничьими племенами поводом являются обыкновенно пограничные недоразумения. Каждое племя знает обыкновенно свою территорию, которой держится и границы которой без нужды не переступает.

Но у пастухов-номадов пограничные споры в качестве поводов к конфликтам играют большую роль. Каждое племя имеет свои обычные места пастбищ, которыми, обыкновенно, удовлетворяется. Но какая-либо необходимость, например засуха, может заставить его искать пастбищной территории, которая согласно обычаю находится в распоряжении другого племени. Это является уже поводом к войне.

К этим конфликтам, близко напоминающим таковые у охотничьих племен, присоединяются еще и другие, связанные с тем, что пастухи, в противоположность охотникам, располагают в высокой степени ценным для них и их сородичей имуществом, именно пользовательным скотом. Это добро является весьма драгоценным. В противоположность другим видам собственности оно обладает выгодным качеством, а именно оно не нуждается в переноске; оно передвигается само и позволяет каждому, кто им овладел, гнать его куда угодно.

С появлением богатств в форме скота не только появляется *возможность* его похищать, но также и *побудительный мотив* к этому. В условиях, в которых живет номад, имущество, состоящее из скота, является очень ненадежным, подвергаясь всем опасным изменениям в погоде. Не обеспеченное запасом пищи и воды, скотское богатство того или иного племени номадов может, при неблагоприятных условиях, например, благодаря периодическим и необычным засухам, урагану с песком или снежному урагану зимой, благодаря чуме и т. д., уменьшиться с огромной быстротой.

Без скота пастух осужден на гибель. Если он его лишился, ему не остается ничего другого, как или взять скота в долг у более счастливого соседа, или же, что кажется более выгодным, получить его путем кражи или разбоя. Но он не может украсть у соседа из собственного племени, это противоречит первобытной морали и чувству солидарности между соплеменниками. Но эта мораль распространяется только на собственное племя, ограбить чужое в интересах собственного не только не запрещается, но, наоборот, считается весьма похвальным.

Таким образом, пастуху-номаду постоянно приходится быть готовым к войне, в походах же испробовать свое оружие у него никогда нет недостатка: то при защите своей собственности, то при нападении на чужую. Ратцель говорит: «Война и разбой теснейшим образом сплетаются с жизнью пастуха, и даже его пастушеский посох превращается в оружие. С виду мирное пастушеское существование переходит в состояние войны... киргизское слово «баранта» (буквально это значит «делать скот — грабить скот») с полной откровенностью обнаруживает цель грабительских походов» (У«IкегкигIе, III, 8. 50).

Первоначальное основание для грабительских нападений Ратцель пытается найти, однако, в потребности мести: врага грабят, чтобы ему отомстить. Нельзя отрицать, что этот момент играет свою роль, однако месть не может быть первоначальным мотивом для этого; она предполагает уже испытанную несправедливость, за которую хотят отомстить. Грабительский набег, предпринимаемый с целью мести, предполагает другой грабительский набег, жертвой которого был теперь нападающий. Мечь в качестве мотива приводит к тому, что грабительский набег, сделанный первоначально из нужды, повторяется, если даже для него нет необходимого стимула. Так грабеж превращается в постоянное явление, в систематический способ добывания добычи.

В результате необычайная смелость в схватках с людьми и постоянная жажда грабежей.

Пастухи-номады делаются тем опаснее, чем больше при их подвижности они способны легко группироваться в огромные массы.

Ф. Лесспес в своей книге («Vierzig Jahre Erinnerungen», Berlin, S. 888) описывает путешествие, которое он совершил в Судан из Египта с вице- королем (Хедивом) Измаилом-пашой. Между прочим, он описывает там следующее (I, с. 160): «Поразительно, как легко можно

собрать в этой стране людей. Гонцы разъезжаются верхом на дромадерах, и спустя несколько дней они приводят скопище больше чем в сто тысяч человек.

При моем прибытии в Хенди⁴ для меня разбили палатку; вице-король сказал мне: «Вы увидите, что я буду делать утром».

На следующее утро из людей, прибывавших на протяжении трех или четырех дней, скопилось компактная масса в сто тысяч человек».

Эту цифру не надо понимать буквально, ее нужно понимать так же, как данные Геродота о величине персидского войска. Однако если мы уменьшим число хотя бы в десять раз, то для такой малонаселенной области все же получится большая цифра (на квадратный километр в Судане приходится приблизительно 2 человека, а в Германии — 127). Эта возможность для пастушеских племен соединяться быстро в огромные массы вследствие того, что они располагают лошадьми и верблюдами, весьма облегчает им нападение с перевесом сил на своих противников. Как беспомощен по отношению к ним мирный и тяжелый на подъем земледелец, привязанный к своему участку земли и изолированный в своей деревушке.

Но кочевники и земледельцы представляют большую противоположность между собой и в другом отношении. На одной стороне крестьянин, который собирает в амбар свой урожай и бережно обходится с ним, потому что он должен прожить с ним до следующего урожая, а кроме того, отложить семена и запасы. Это крестьянин, который, особенно при системе искусственного орошения, должен с максимальной точностью учитывать ежегодный продукт своего труда. На другой стороне пастух, доход которого, полученный от скотоводства или от грабежа скота, всегда остается крайне неопределенным. Ему свойственны риск и легкомыслие игрока; он с презрением относится к бережливости и заботам крестьянина; то, что он выиграл, тем он наслаждается без промедления. Не в меньшей степени он презирает также и прилежание крестьянина. Крестьянин должен изо дня в день с небольшими перерывами мучиться на тяжелой работе, если хочет, чтоб его хозяйство преуспевало, тогда как кочевник, свободный и ничем не связанный, бродит по миру в

⁴ Хенди находящая между Бербером и Хартумом. К

состоянии непрерывной борьбы с ним, борьбы, которая для него не мука, а удовольствие.

Это, конечно, относится к мужчинам; женщины же одинаково мучаются на домашней работе и постоянно должны переносить тяжелый труд, независимо от того, являются ли их мужья охотниками, кочевыми пастухами или земледельцами.

Изменение в условиях производства создает больше всего различий в характере мужчин, а не женщин.

Очень хорошо обрисовал контраст между земледельцем и пастухом русский исследователь Пржевальский, сравнивая китайцев и кочевников-монголов. Он говорит о народах этих местностей, что они, будучи несходны друг с другом как по образу жизни, так и по характеру, были предопределены природой к взаимному отчуждению и ненависти: «Подобно тому, как для китайцев беспокойная жизнь, полная лишений, жизнь кочевника кажется непонятной и достойной презрения, и кочевник в свою очередь смотрел презрительно на исполненную забот и трудов жизнь соседнего земледельца и ценил свою дикую свободу за высшее счастье на земле. В этом и заключается настоящий источник противоположности характеров обоих народов: трудолюбивый китаец, достигший с незапамятных времен сравнительно высокой и своеобразной цивилизации, всегда избегал войны и считал ее за величайшее зло, тогда как, наоборот, подвижной, дикий и нечувствительный ко всем физическим влияниям обитатель холодных степей Монголии всегда был готов к нападению и грабежу. При неудаче он терял немного, а в случае успеха приобретал богатства, накапливавшиеся трудом многих поколений».

Древним евреям, разумеется, хорошо был знаком антагонизм, существовавший между кочевниками и земледельцами, потому что они и сами происходили от кочевников-бедуинов. Их священные книги относят этот антагонизм уже к самому началу мира. Сыновья первой пары, то есть Адама и Евы, были: пастух овец Авель и земледелец Каин, скоро вступившие в столкновение между собой. Но характерно, что пастух Авель изображается в качестве нежного, миролюбивого и богобоязненного персонажа, земледелец же Каин представлен в качестве нечестивца, обогрившего свои руки в крови и отвергнутого богом.

Несомненно, вся эта картина нарисована с точки зрения бедуинских предков евреев, для которых всякое сопротивление,

оказываемое земледельцем грабительским завоевательным налетам бедуинов, рассматривалось как отвратительное преступление, которое должно вызвать гнев бога кочевников.

Иначе учит религия, которая была создана и записана сначала интеллигенцией (*Intellectuelle*. В данном случае это духовенство. — *Е. П.*) мидян, а затем персов — маджи, после того как персы оставили кочевой образ жизни и превратились в господ над земледельцами. Согласно этому религиозному учению, приписываемому Заратустре, мир наполнен борьбой двух враждебных начал: Ормузд (*Auramazda*), владыка царства света, находится в вечной вражде с Ариманом (*Angromainju*), владыкой царства тьмы. Первое царство есть обрабатываемая земля, второе — пустыня, постоянно угрожающая первой песчаными ураганами. В царстве света живут земледельцы, добрые, в царстве тьмы — номады, злые, которые постоянно хотят причинить первым какое-нибудь зло.

Но Авеста, религиозная книга персов, утверждает, что наступит время, когда царство земледельцев навсегда покончит с номадами. Тогда начнется ничем не омрачаемое господство добрых, век света и счастья.

Для понимания отношений между крестьянами и пастухами-номадами существенны те наблюдения, которые сделал Фробениус в Северо-Западной Африке, где он имел возможность сравнивать крестьян лесной зоны с жителями пустыни. Их различия он изображает следующим образом: «Когда вы, бродя по первобытному лесу, выходите на чистое место, на котором виднеются обширные плантации, к которым примыкает чистый, просторный, правильно распланированный городок, если вы входите в дом, замечаете большое количество культурных предметов, изготовленных с огромным искусством, когда вы с удовольствием смотрите на богатую прекрасную одежду и наблюдаете полных достоинства, деятельных жителей деревни за их ремесленными работами, то вы получаете впечатление большой и радующей взор культуры. Если же, наоборот, в своих путешествиях по пустыне вы натываетесь на кое-как разбитую палатку, на жилище, наспех построенное и приспособленное к кочевой жизни, когда вы видите грязных людей в их поношенном платье и приходите к заключению, что за исключением стад скота вам не встретить здесь никаких культурных ценностей, то вы будете склонны отнести скотоводов пустыни или степи к сравнительно более низкому

культурному уровню. Однако это впечатление является в корне ложным» («Vom Schreibtisch zum Aequator», S. 294, 295).

Наоборот, Фробениус держится того убеждения, что «степные номады, вопреки внешнему впечатлению, обладают более глубокой (tiefer) культурой, чем огородники лесной зоны» (ibidem, 8. 295).

Слова «более глубокой» употреблены здесь неудачно, так как Фробениус хочет ведь сказать, что номады в культурном отношении стоят не ниже крестьян. Словом «tiefer» можно лишь сказать, что у них культура глубже сидит, чем у крестьян⁵.

Культура крестьян базируется на техническом превосходстве и большем богатстве. Но она связана с меньшей духовной подвижностью и меньшей способностью к приспособлению. Если отнять у них их имущество, они становятся беспомощными. Обратное констатирует Фробениус в отношении номадов: «Совершенно другое дело человек степи и пустыни. Его культура помещается у него в голове. Его культура основана на знании, на упражнении мыслительных способностей, на равновесии социальных сил... Ни разу я не встречался здесь (среди них) с тупоумием, характерным для жителей леса. Через тот или иной промежуток времени мне всегда удавалось найти такой контакт с этими людьми и так его использовать, что глаза у них начинали блестеть и из уст рта вылетал целый поток либо прирожденной, либо унаследованной, либо полученной путем наблюдения мудрости. *Omnia mea mecum porto* (все свое ношу с собой) может сказать про себя каждый из этих людей. Номад имеет совершенно исключительное ощущение взаимозависимости между природой и человеком, он обладает совершенно исключительным знанием свойств природы, хотя и объясняет часто совершенно фантастическим образом те или иные явления, с которыми сталкивается. Но он объясняет по крайней мере их, в то время как человек леса лишь тупо смотрит на них» (ibidem, 3. 297, 298).

Среди номадов пустыни, рассказывает Фробениус далее, каждый имеет свой специальный интерес: один занят историей племен и фамилий, другой делает наблюдения над жуками, третий изучает лекарственное действие корней, четвертый размышляет над вопросами закона и права. Наряду с этим есть люди, которые делают

⁵ Дело в том, что слово 'тief' означает по-немецки одновременно и глубокий, и низкий. (Е. П.).

наблюдения над скотом, над звездами или же интересуются техническими проблемами: «Таких людей можно преследовать, прогнать, можно отнять у них все, все похитить, но свою культуру они сохраняют, они не отдадут ее так легко. Всюду, куда приходят эти люди, все свое они несут с собой. У этих людей, к которым относятся с пренебрежением, есть глубокая культура» ibidem, 8. 299, 300).

Эта не *низко стоящая*, а *глубоко сидящая* культура, эта умственная подвижность является продуктом особых жизненных условий, а не специфических расовых задатков. Высокую интеллигентность мы встречаем не только у «семитских» кочевников Аравии (в том числе и у евреев, которые в качестве горожан и торговцев еще дальше развили эту интеллигентность), но также и у «арийских» кочевников Ирана. Эти арийцы вошли в Индию и под именем персов подчинили себе Переднюю Азию.

Однако наблюдения Фробениуса не доказывают, что кочевное состояние в степи и пустыне при всяких условиях действует так высоко положительно в умственном отношении. Племена, о которых мы говорили сейчас, жили в пустынной зоне жаркой полосы. Номады на территории современной России и Северной Азии, то есть ни скифы, ни гунны, ни татары с тюрками, не обнаруживают подобных способностей в области духовной культуры. Быть может, это объясняется трудностями суровой и продолжительной зимы, которая сковывает их духовное развитие, или, быть может, однообразием местности, о котором мы уже говорили в третьей книге.

Зато как разнообразны были, в отличие от России, те области, с которыми приходили в соприкосновение кочевники-арабы во время их передвижения! На одной стороне Месопотамия, на другой — долина Нила, а дальше берега Средиземного моря, с продуктами которого арабы познакомились через финикийян, а на другой стороне, к югу, в счастливой Аравии, гавани на побережье Индийского океана, которые давно находились в сношениях с богатой сказочной Индией. Нет ничего удивительного, если кочевники-семиты во время их передвижений по пустыням Аравии, дававшим так много побуждающих стимулов, приобрели высокую умственную подвижность.

В известном смысле антисемитизм представляет из себя лишь антипатию со стороны тяжеловесного и ограниченного своими условиями производства крестьянина по отношению к широкому и

подвижному уму номада, уму, который выработался у него под влиянием благоприятных условий его жизни.

(Продолжение следует).